

Мери Лу

ПЕПЕЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Пепел

Мери Ли

Пепел. Книга первая

«Автор»

2020

Мери Ли

Пепел. Книга первая / Мери Ли — «Автор», 2020 — (Пепел)

ISBN 978-5-532-99216-0

Мир сошел с ума. И это было ужасно. В одно мгновение самые близкие стали врагами, что превратились в чудовищ. Всего за несколько часов человек перестал править этим миром, превратился в скот и вынужден спасаться. Мы последние, кто остался в живых. Будучи маленькой девочкой, я попала в Подземелье. За долгие годы, что я здесь нахожусь, понимание нормальной жизни стерлось из памяти. В переломный момент у меня появилась возможность не просто сбежать из этого места, но и скрыться от самого могущественного и ужасного человека. Я не знаю, что ожидает меня на поверхности, но выбора больше нет. Побег это единственная возможность спасти себя и близкого мне человека. Меня зовут Джей, и это моя история. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99216-0

© Мери Ли, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая: Подземелье	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	17
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мери Ли

Пепел. Книга первая

Часть первая: Подземелье

Глава первая

– Эй, Джей, постой! Джей, подожди меня!

– Если ты будешь и дальше тащиться как каракатица, то мы не успеем на слушание о вылазке! А это я пропустить не могу! – бегу дальше по коридору и распахиваю всех локтями, за что мне в след летят не самые приятные реплики, да и черт с ними, я должна услышать вердикт из первых уст.

– Ты же понимаешь, что тебя все равно не выпустят наружу? – моя единственная подруга Дженни наконец догнала меня. – Сенатор тебя не выпустит! Ни за что на свете! Джей? Ауууу, ты слышишь меня?

– Да срать я хотела на Сенатора и его мнение по этому поводу, если я пройду отбор, то даже он не сможет сделать ровным счётом ни-че-го! А я пройду отбор, вот увидишь! Я не могу больше терпеть всё это, понимаешь? – мы петляем быстрым шагом по последнему коридору, который ведёт в святая святых Подземелья, "Верховный зал суда" – так они называют этот просторный холл. У дальней стены стоит трибуна, и всё самое важное в нашей никчемной жизни произносится оттуда, а по периметру расставлены скамейки, как в какой-то кафедре.

Иду между ступеней и не могу протолкнуться через поток людей, это сродни бегу во сне, вроде и силы прилагаешь, но практически не двигаешься с места. Расталкивать всех приходится одной рукой, на второй повисла Дженни, которая на ходу просит у всех прощения за моё поведение. В принципе, как всегда.

– Уважаемые жители Подземелья! – Боже, меня сейчас стошнит от этого голоса, уверенный раскатистый на весь зал. – Прошу минуту внимания! Как я уже говорил ранее, наши запасы заканчиваются, и фермы не справляются с содержанием всех жителей.

Выдерживает паузу, чтобы до всех дошло уже, что больше в этой консервной банке нечего делать. Завуалированно сообщает: мы все умираем. Но мне это только на руку.

– Восемнадцать лет назад произошла ужасная катастрофа, и как вы все знаете, мои дорогие друзья... вакцинация, к сожалению, не помогла человечеству. Нам с вами повезло, что мы живы и здоровы. Первая вылазка наружу была ровно через триста шестьдесят пять дней, как мы попали сюда. И так продолжается каждый год, мы выбираем двадцать человек, и это лучшие из лучших. Но к моему величайшему сожалению.... ни один гражданин Подземелья не вернулся, мы не знаем, что с ними произошло, но лично я, молюсь за них, и верю, что они живы, но по каким то причинам не могут вернуться за нами. Сейчас мы вынуждены опять собрать группу для отправки наверх... я понимаю, что вам страшно и волнительно, но это крайняя мера, завтра начнётся отбор, и в очередной раз двадцать лучших кандидатов отправятся уже через восемь дней на разведку, и я уверен, что именно эта группа добьётся успеха и будет нашим спасением! – свою речь заканчивает практически криком. Зал взрывается аплодисментами, и я их понимаю, ведь это не жизнь, а существование. Без возможности вдохнуть свежий воздух полной грудью, увидеть солнце и зажмуриться от его ярких лучей, растения, которые благоухают свежестью, зверей с их грацией. Делать то, что хочешь и не оглядываться по сторонам.

– Господа, прошу тишины! – на лице Сенатора появилась мерзкая улыбочка, меня аж передернуло от его взгляда, когда в толпе он нашёл мое лицо.

– Всех кандидатов, которые хотят положить начало новой эры человечества и стать нашими героями, я попрошу пройти в тренировочный блок, там вас уже ждут медики, они осмотрят вас, и только здоровые и крепкие люди смогут выйти наружу.

Хлопнул в ладоши и потёр их друг о друга, как будто поймал назойливого комара и растер в порошок. Было ощущение, что прихлопнул он меня.

– Также проверят знания кандидатов: на умение обращаться с оружием, врачевание и даже дедуцию. Спасибо за внимание! Да прибудет с нами милость Божья!

За всё время он не отвёл от меня взгляд, и что-то мне подсказывает, что Дженни права, мне от него не избавиться не только при жизни, но и после смерти. Холодок побежал по спине, я так сильно сжала зубы, именно от этого отбора зависит моя жизнь.

Чувствую, как подруга потянула меня из зала вслед за толпой.

– Нет, нет и нет! Это просто самоубийство выходить отсюда, я думаю, что ты должна ещё подумать, прежде чем уходить. А как же твоя мама? Она больна и не переживёт, если с тобой что-то случится! Джей? Ты вообще меня слушаешь?

Если бы вы только знали, как я устала делать то, что мне говорят. Изо дня в день одно и то же. Гонг, подъем, ужасная еда в столовой, работа «там, куда пошлют», ринг и снова гонг, отбой. В перерывах между этими делами, забота о моей маме, которой с каждым вздохом становится только хуже. Смотреть каждый день на то, как она медленно и мучительно умирает – пытка. Но в этом месте я ничего не могу сделать. Я бессильна.

– Я не могу здесь остаться. И ты знаешь причину. К тому же ты обещала присмотреть за ней, пока меня не будет. – выразительно смотрю на подругу, от чего она опускает глаза в пол.

Как она не понимает, если я останусь, то меня ждёт участь похуже смерти. Меня ждёт жизнь под гнётом Сенатора. Он маньяк ей Богу, я не знаю, как остальные этого не видят, возможно, они все понимают, но их политика такая: «пока меня не трогают, я не влезаю в неприятности».

– О, нет! Он идёт в нашу сторону! Не оборачивайся!

Поздно... К нам уверенной походкой движется этот монстр. В своём коричневом строгом костюме, конечно потрепанном временем, но в чистом и с галстуком. «С галстуком!» кто их вообще носит в наше время и в нашем месте? Ему примерно лет сорок пять или около того, карие глаза, которые, кажется, смотрят в самые недра твоих потаенных страхов и вытягивают их на поверхность, тоненькие губы, как две струны, прямые и безжизненные, нос с горбинкой, я надеюсь, что когда-то он был сломан. От этой мысли мои губы растянулись в улыбке, и вот я уже рисую в своём воображении: "сейчас он подойдёт, и я ему сломаю нос ещё раз, и там появится горбинка размером с кулак". Мммм, заманчиво, даже очень.

– Джей Хелена Морис, Дженни ...

– Крайтон, сэр. – пискляво подсказывает моя подруга и буквально начинает склонять голову в поклоне.

– Ах да, конечно! Дженни Крайтон. Добрый день, милые леди. И я надеюсь на общее благоразумие и понимание того, что в этих стенах более безопасно, нежели наверху. – выразительно смотрит на меня.

– Это, смотря для кого. – будь проклят мой язык, даже в моменты страха перед ним я не могу промолчать.

Блин, я даже вида его не переношу, он словно пиявка, присасывается и забирает все жизненные силы. Из-за него моя мама больна, и, мало того, именно по его указке её не лечат местные врачи.

– Мисс Крайтон? Не оставите нас на минутку с моей суженой? У нас очень личный разговор.

По его взгляду кристально ясно, что это не просьба – это приказ.

– Ааа... да, конечно, Джей, я буду ждать тебя.... Ну вон там.

Указывает в противоположную сторону от отборочного пункта и сбегает, вот же предательница. Хотя... я бы на ее месте сделала то же самое, его компания крайне неприятна. До тошноты.

– Милая, посмотри на меня. – делает шаг ко мне.

– Вы не можете меня так называть, никакая я вам не милая. – шаг от него.

– Как грубо с твоей стороны так разговаривать с твоим будущим супругом. У тебя не может быть более важных дел, чем Я. По-моему, я уже не раз тебе это объяснял.

Так стоп, вот на этом моменте меня может и вырвать. Поднимаю на него глаза и вижу очередную мерзкую улыбку, что расплзлась по его лицу, и неотрывный взгляд маньяка, который упёрся прямо в меня. Я знаю, ЧТО именно он вспоминает. Да Сенатор не один раз объяснял мне, разжевывал свою истину до треснувших рёбер. Он – мой повелитель, а я – слуга, посланная на его жизненный путь, чтобы служить и боготворить. Ну уж нет. Пока жива, я не смогу смириться с этим.

– Да никогда в жизни! Меня от вас тошнит, и становится безумно мерзко только от мысли.... Да я даже слов не могу подобрать и уж тем более произнести это вслух! Этого никогда не будет, никогда! – слова льются ядовитым потоком. Вокруг много свидетелей, сейчас он мне ничего не сделает. Но после...

У меня перехватывает дыхание, когда он резко хватается меня за руку и притягивает к себе, чувствую запах каких-то трав, которыми всегда от него несёт, надеюсь это лекарство. Он болен и скоро сдохнет. Желательно в муках.

– Я не потерплю от тебя таких речей. Ты же понимаешь, что через полгода, когда тебе исполнится двадцать лет, наш договор с твоим отцом вступит в силу.

Ещё сильнее сжимает мою руку, от чего я невольно вздрагиваю, на что он улыбается и говорит ещё тише:

– Лишь только благодаря этой бумаге, ты и твоя больная мамаша ещё живете здесь, а не на улице кормите одичавших людей.

– Во-первых, отпустите меня.

Вырываю руку из его жесткой хватки и растираю запястье:

– Во-вторых, он мне не отец и распоряжаться моей жизнью он не мог. Это всё ВЫ подстроили. Мой родной отец так никогда бы не поступил. В-третьих, клала я на вас и ваш договор.

Отворачиваюсь и не успеваю сделать и шага, как до меня доносится его противный тягучий голос:

– Хочу кое-что прояснить. Даже не думай идти на отбор, тебе его не пройти. Ты же знаешь, я постараюсь сбегать то, что принадлежит мне. Хорошего дня, милая.

Срываюсь с места и несусь со всех ног в сторону тренировочного блока. Бегу подальше от Сенатора и его коварного плана. Я здесь не останусь, чего бы это мне не стоило.

Тренировочный зал весь в серых тонах, спортивные снаряды перенесли в дальний угол, гири сняли и бросили поверх матов, только ринг остался в центре – ярко-красное пятно, на котором я провела очень много времени. Люблю это место, для меня оно является отдушиной от рутинной жизни в Подземелье, наш тренер Пол Уоррен, мужчина лет сорока пяти, высокий, подтянутый, с коротким ежиком светлых волос и с кристально ясными голубыми глазами, стоит облокотившись на канаты и смотрит, что сотворили с его детищем. Скажу вам честно – это лучший человек в этой дыре, когда я впервые пришла в зал в десятилетнем возрасте, он один не посмеялся надо мной, а принял мои рвения всерьёз, и тренирует уже на протяжении почти десяти лет, он для меня больше чем наставник, наверное я отношусь к нему как к отцу, о котором почти ничего не помню, он остался там на поверхности. Спросите, почему он не здесь со мной и мамой, я вам отвечу, что не знаю, у меня есть его фото и только, ни воспоминаний.

наний, ни рассказов о нем нет, и думаю, не будет. В последнее время мама часто стала впадать в беспамятство. Чаще всего даже меня не узнаёт. Ну об этом я подумаю позже. А пока...

– Привет, Пол! Ну как, много желающих в этом году?

Тоже облакачиваюсь на канаты и обвожу взглядом людей, стоящих в очереди на осмотр, большинство из них мои ровесники, может старше лет на пять-шесть. Поколение, которое помнит, что творилось восемнадцать лет назад на поверхности, предпочитает оставаться здесь и не высовываться, у многих семьи и ответственность за них. Только что за импровизированную ширму зашла девушка лет двадцати шести, кажется, ее зовут Кристина или Кэролайн, ну что-то там на "К".

– Привет, да не особо, тридцать шесть, но половина из них никудышные, например, видишь вон того парня с серьгой в носу?

– Ага, а что с ним не так? – Пол обреченно качает головой.

– Он ни разу не приходил в зал, я даже имени его не знаю, и он на нервах, пока подписывал формуляр, два раза уронил ручку.

– Ну знаешь ли, на кону его шанс.

– Он не пройдет отбор. Трусливым на поверхности не место, но, если произойдет чудо, и его кандидатуру подтвердят, думаю, он будет первым погибшим.

– Ясно. Почему ты решил, что будут погибшие? – в ответ получаю лишь тяжелый вздох. – А где формуляр взять? Желающих уже тридцать семь.

Улыбаюсь, и чувство предвкушения переполняет меня. Слышу тихий шепот своего сердца: «ты на правильном пути». Скоро я уберусь отсюда и буду свободна, хоть на один день своей никчемной жизни, но я добьюсь независимости.

– Было поручение, тебя не допускать до отбора.

Смотрит теперь на меня и слегка улыбается. Эта улыбка подбадривала меня на протяжении долгих лет, она настолько радушная и до боли родная. На секунду... всего на одно мгновение, меня одолевает печаль. Еще несколько дней и, возможно, я его больше никогда не увижу. Насколько близкого человека у меня больше нет и, думаю, не будет. Плохо схожусь с людьми. Только он видел мои слезы и срывы. Истерики и неудачи. Ни Дженни, ни мама не знают меня настолько насколько знает Пол.

– Ты же это несерьезно? – усмехнулась.

– Серьезней не бывает, я не хочу, чтобы оба моих ребенка покидали меня в один и тот же день. Знаешь, сын твердо намерен в этом году пройти отбор. Приглядывай там за ним. Хорошо?

Протягивает мне листок и ручку. Он верит в меня, и это дает мне неопишемое ощущение победы. Я не знаю, как благодарить его за всё, что он для меня делал и как много давал поддержки и понимания в самые ужасные моменты моей жизни.

– Хорошо. – подмигнула ему.

Заполняю бумагу и ставлю подпись, двигаюсь в сторону очереди. И вот я уже следующая перед ширмой. Слышен хлопок и ругань за ней, словно фурия из-за ширмы вылетает девушка в одном нижнем белье. Она безумно красивая, длинные рыжие волосы, точеная фигура и гневом пышущие зелёные глаза, что смотрят прямо на меня. Мы знакомы? Сомневаюсь. Такую внешность невозможно забыть. Хотя, что-то знакомое в чертах её лица есть.

– Вот тварь, решил меня облапать! Ну я ему съездила и по морде, и по яйцам! Представляешь, принял меня за шлюху, которую пошлют с отрядом, для справления нужды! Урод! – надевает через голову сарафан, под всеобщим взглядом. Не обращая ни на кого внимания, словно она у себя дома одна, а не в огромном зале, где большинство мужчин.

– Думаю к тебе он не полезет, а то и так <<бо бо>> шарикам.

Подмигивает мне, перекидывая свои шикарные волнистые волосы через плечо и уходит, а я стою с разинутым ртом и провожаю ее взглядом, в общем, как и все.

– Следующий.

С той стороны смотрового кабинета раздаётся приглушённый голос, наполненный болью, от чего у меня вылетает смешок. Захожу и вижу; сидит наш врач с красным лицом и ещё более красной правой щекой.

– На что уставилась? Раздевайся. – рычит он.

Берет мой формуляр и что-то активно начинает в нем писать.

– Генетические заболевания? Жалобы? Аллергии? Переломы? В общем рассказывай всё о своём здоровье.

– Ммм... я совершенно здорова. Жалоб, переломов, аллергии нет. Чувствую себя прекрасно.

Даже если бы это было не так, я все равно ему не сказала бы, да и мама то особо мне не сообщит, даже если я о чем-то и спрошу. Померил мне давление, пульс, осмотрел на наличие травм и повреждений. Отпустил и сказал, что через два часа список будет висеть здесь же с именами тех, кто прошёл осмотр. Оделась и пошла в свой блок, молясь лишь о том, чтобы я была здоровее как минимум половины пришедших на осмотр.

Глава вторая

Открываю дверь домой, хотя это громко сказано: "дом". Перед глазами комната, куда входит: односпальная скрипучая кровать, старый стол, у которого одна ножка короче остальных на пару сантиметров и узкий шкаф, широкий нам и ни к чему. И у меня, и у мамы по одной сменной одежде, да пара ботинок, хорошо размер один, в этом же шкафу лежит свернутый матрасик, на котором я сплю. Он настолько пропах плесенью и сыростью, что порой ночью просыпаюсь от приступа тошноты. С потолка свисает одинокая лампочка и сейчас она опять мигает, да так, что глаза начинают слезиться.

Мама лежит, свернувшись в клубочек и тихонько постанывает, не могу на неё смотреть без сожаления, в душе каждый раз возникает камень из боли и безысходности.

Когда-то Анна Морис была красивой женщиной, так я могу судить по фото, которое всегда ношу с собой. На нем изображена девушка примерно моего возраста, она улыбается так искренне, как я не улыбалась ни разу в жизни. Её темные волосы собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились и развеваются на ветру, одной рукой она пытается их придержать, а второй – обнимает девочку двух лет, которая стоит на пеньке и показывает в объектив свой маленький розовый язычок. Эта маленькая милая девочка по имени Джей Хелена Морис – это я. А с другой стороны стоит высокий, стройный и очень симпатичный блондин – это мой папа, но его я, к сожалению, не помню. Этот снимок был сделан за две недели до так называемого конца света. Такой беззаботной и счастливой маму я не видела ни разу, точнее видела, но не помню. Когда мы попали в Подземелье, ей было очень тяжело зарабатывать на пропитание для себя и маленькой девочки, но она нашла выход.

Имя этого выхода – Тедди Болмен, и он ужасный человек. Если я ещё когда-либо его увижу, то не знаю, что делать – бежать или попытаться убить его. Он много боли принес маме и только за это он достоин смерти.

Мне было четыре года, когда мама познакомила нас. Было такое правило "он приходит – я ухожу". Тогда я не понимала, что происходит на этой скрипучей кровати, когда меня нет. После его визитов у нас была еда, не просто жижа, которую выдают в столовой, а хлеб, рис и даже пару раз консервы. Это продолжалось долго, иногда после того, как Тедди уходил, мама была в синяках и ссадинах, часто ночами она тихонько плакала в подушку, думая, что я ничего не замечаю. В это время меня и пересилили на матрац, мама говорила: «не могу позволить тебе спать на этой кровати». Тогда, будучи маленькой невинной девочкой, я думала, что чем-то огорчаю свою маму, и она меня больше не любит. Когда мне исполнилось семь, он пришёл не один, а с дружкой, имя его Рональд Эшвуд, он же.... Сенатор. Именно в этот день я вышла из комнаты, побежала к своей единственной подруге Дженни и вспомнила, что оставила фото на столе, а это единственная вещь, которая принадлежит мне и только мне, я со всех ног понеслась обратно. За несколько шагов до двери, я услышала крик полный боли и отчаяния. Это кричала моя мама. Я начала ломиться в дверь. Ручка под моим напором не поддавалась, я плакала и била по двери, прося, чтобы мама открыла её, после того, как дверь резко открылась, и я ввалилась внутрь, меня тут же оторвали от пола и бросили на кровать к маме, которая пыталась прикрыться покрывалом и плакала. Плакала и просила их меня не трогать, все время твердила Тедди, что они так не договаривались.

– Всем молчать!!!

От этого крика я вздрогнула и подняла глаза на Сенатора, с того дня этот голос вселяет в меня ужас и отвращение. Он присел на корточки передо мной, сразу после того, как застегнул ремень на своём обвисшем животе.

– А это кто у нас такой сладенький? – подкрадывается он ко мне.

– Нет, прошу вас, не трогайте её, она ещё ребёнок. Я сделаю всё, что вы хотели от меня, но её не трогайте. Прошу... Умоляю вас... – заикаясь на каждом слове, мама о чем-то молила его.

Она уже просто захлёбывалась своими слезами, которые градом катились из красных опухших глаз. Дернула меня ближе к себе за руку, и я почувствовала её дрожь и страх, что плавно перетекли в меня.

– От тебя я больше ничего не хочу. Как твое имя, дитя? – растягивая слова улыбнулся он. Но его глаза не затронула эта улыбка.

– Мам? Почему ты кричала? – прижимаюсь ближе к ней. Подальше от него.

На тот момент маленькая я не понимала, что это – переломный момент наших с мамой жизней. Мой взгляд искал поддержки в глазах единственного родного человека, но там плескалась только всепоглощающая безысходность. Уже тогда она понимала, её дочь попала на радар чудовища, а она бессильна что-либо сделать. Противостоять ему невозможно. Сбежать невозможно. Спасения нет.

– Твоя мама напугалась мышку. Её никто не обижал, так как твоё имя? – начинает раздражаться.

– Мышку? Их здесь никогда не было... – в недоумении смотрю на мужчину, от которого веет чем-то жутким и ранее мне не знакомым.

– Джей, меня зовут Джей Хелена Морис.

– Милая малышка Джей. Я буду называть тебя Хелена. Ты не против? – и не дожидаясь ответа. – Сколько же тебе лет?

Я помню те ощущения до сих пор, мне было очень неуютно под его взглядом, казалось, что он подмечал каждое мое движение, каждый мой вздох и каждую слезу, что скатывается из уголка глаза.

– Семь, ей всего лишь семь лет. Господин Сенатор, молю вас...

Он не дал ей договорить. Жестом велел заткнуться.

– Ты что, сумасшедшая? Я не извращенец, дура ты безмозглая, тем более я не могу навредить такому милому созданию!!!

Вопил так, что до меня долетела его слюна, и я впервые ощутила его мерзкий запах трав, который преследует меня по сей день. Тогда я не знала, что в моей жизни этот запах будет олицетворять страх и боль.

– Я вполне могу подождать несколько лет и забрать её у тебя на законных основаниях. Пустые проблемы человеку моего положения ни к чему.

– Мама, я не хочу. Ты же меня не отдашь? Никому? – с мольбой смотрю на маму.

– Детка, конечно, нет! Ты – это всё, что у меня осталось. Ты – это всё, что имеет значение.

Прижимает меня к себе, и я ей верю, ведь она – это тоже ВСЕ, что у меня есть. Она же моя мама, единственный человек на всей земле, кто действительно меня любит и никогда не предаст, что бы я не совершила.

Так я думала, когда мне было семь лет. Через три года я пойму, что словам верить нельзя, даже если очень хочется. По прошествии этого времени Тедди и Сенатор подсадили Анну Морис на какие-то наркотики или что-то вроде того. Через три года их употребления, она готова была меня отдать, точнее продать за очередную дозу. Но наш всеми уважаемый Сенатор на тот момент составил договор, который она подписала. Там говорится, что отныне она является женой Тедди и все права на меня передаёт ему, в свою очередь он, можно сказать, подарил меня своему боссу. И всё. Я просто вещь, которая приглянулась человеку с безграничными возможностями.

Да, вот так, в свои десять лет я была дарована извращенцу, но видимо в какой-то момент просветления моя мама прописала пункт, что до двадцати лет я свободна от любых притязаний Сенатора. Он особо и не возмущался, так как был женат в очередной раз. Свобода моя – это

только иллюзия, и я это понимаю. Поэтому я должна выбраться. Обязана доказать себе, что я способна ему противостоять и добиться намеченной цели.

– Джей? Это ты? – от воспоминаний отвлѣк еле слышный болезненный голос из-под покрывала.

– Да, мама, это всего лишь я. – присаживаюсь на пол рядом с ее подушкой, смотрю в выцветшие глаза с огромными синяками под ними, лицо покрыла испарина, но губы сухие и потрескавшиеся. Скоро начнѣтся очередная ломка, это самые ужасные моменты нашей жизни. Она берет меня за руку и тянет на себя.

– Джей, он приходил сегодня. Сказал, что заберѣт нас, нужно срочно собрать вещи.

– Хорошо, я собираю.

Этот разговор продолжается уже несколько лет, ей кажется, что приходит мой отец. И она искренне верит, что это правда. Раньше я пыталась объяснить, что это не так, но тогда все заканчивалось печально: она начинала биться в истерике и могла покалечить либо себя, либо меня. От ее криков отчаяния кровь леденела в жилах, и все заканчивалось огромными потоками слез.

– Он нас не оставит. Ты же знаешь, как он меня любит.

У мамы закрываются глаза, и моя кисть выскальзывает из ее холодной влажной ладони. Провожу рукой по ее волосам и целую в висок. Надо сходить за едой и водой, а потом следует узнать результат. Мне очень хочется, чтобы она выслушала меня, о том как я пойду наверх и попытаюсь разыскать отца, чего бы это мне не стоило, и потом я вытащу ее из этого гиблого места, вылечу и мы будем жить, а не выживать. Я мало верю, что найду папу, скорее всего его уже нет в живых. Тогда я найду место, куда смогу её увести.

– Я люблю тебя мама, и хочу, чтобы ты понимала, я сделаю все, чтобы ты жила, уведу тебя как можно дальше от Сенатора и его отравы. Слышишь, мам?

– Конечно, девочка моя. И я тебя люблю.

Сказала, даже не открыв глаз, а ведь она не отвечала мне на вопросы уже примерно шесть месяцев. Постоянно находится в просторах своего разума. Эти слова для меня так много значат, что не передать словами. Я думаю, что каждый человек нуждается в любви, хотя бы в крохе нежности и сочувствия. Лично я нуждаюсь, но вслух это никогда не произнесу. Неужели она действительно сейчас меня услышала? Поняла?

– Мам? Ты хочешь есть? Или может пить?

Всѣ... В ответ тишина... Каждый раз я понимаю, что надеяться на лучшее не стоит. Лишь потому, что, когда твои надежды не оправдываются, тебя словно сносит огромным поездом очередного разочарования, и от этого становится ещѣ более печально, чем было ДО появления этой чертовой надежды. Поднимаюсь, укрывая её покрывалом, и иду за пайком.

Глава третья

Зал был полон, и к спискам я пробиралась почти с боем, пока искала глазами своё имя, на фоне нервозности воздух застрял где-то в горле. Его тут же вышибло ударом объятий, а в лицо прилетело облако рыжих волос.

– Поздравляю! Улыбайся так, как никогда в жизни, Сенатор смотрит прямо на тебя.

Смотрю в лицо девушки с недоумением.

– Спасибо, конечно, но причём здесь Сенатор? – она театрально закатывает глаза.

– Я прекрасно знаю, что ты следующая его жертва. Так сказать “печальная невеста”. Да в принципе все знают это, просто вида не подают. Кому в наше время нужны проблемы с «правителем», и ты видимо не знаешь моего имени. Саманта Келли. Приятно познакомиться.

– Вот черт! Мне жаль твою сестру. – теперь понимаю, почему её лицо показалось мне знакомым.

– Да, мне тоже, она была не виновата, что понравилась уроду со связями и в итоге поплатилась за это. Так же, как и ты... Я понимаю почему ты бежишь из этого места. Он уже говорил о тебе, когда Лия еще была жива. Так что улыбайся, сделай ему больно, пусть видит, что ты утекаешь у него между пальцами и он бессилен... Бессилен что-либо сделать, как и его жены. – в уголках её глаз скапливается влага, но она быстро приходит в себя.

– Что он с ней сделал? – этого не знает никто.

– Лучше спроси, чего он с ней не делал? После её убийства у меня в этом клоповнике никого нет, и находиться здесь я больше не в силах, каждый закуток этого места как будто говорит мне: “ты ее не спасла”, и боюсь, если останусь, то сойду с ума и сделаю необдуманный поступок. – зачем она это мне говорит?

На секунду, всего лишь на одно мгновение ее улыбка спала, и я увидела очень уставшую от жизни девушку, возможно, такую же одинокую, как я сама.

– Прости, я не должна была спрашивать тебя. Напоминать тебе о горе.

– Итак, переключимся. Прошло двадцать шесть человек по здоровью, нам с тобой из гонки надо выбить шестерых, и мы будем свободны. – она располагает к себе.

Вот теперь я улыбаюсь искренне, но с небольшим сомнением и в ответ вижу то же самое. Это самая странная беседа за долгое время. Я не знаю её. Она не знает меня. Но у нас есть общая цель. Свобода.

– Да, уже объявили, что будет ещё два этапа, ориентирование на местности по картам и борьба, плюс умение пользоваться оружием. Пойдём отметим, следующий этап завтра с утра.

– Отметим? – не понимаю я.

– Раньше так говорили. – смеётся. – Типа отрывались, тусовались и так далее, но мы можем выпить по стакану воды с запахом плесени. Как тебе?

– Нет, я пойду к маме, хочу побыть с ней, пока есть возможность. Увидимся с утра здесь же.

– Хорошо, если надумаешь, заходи ко мне – третий блок, конура номер триста четыре.

Выхожу из зала и чувствую, как спину мне проживает чей-то взгляд. Хотя я знаю кому он принадлежит и готова поспорить, Сенатор явно не доволен. Ведь я ослушалась. А его указам все должны подчиняться беспрекословно.

Всего у Сенатора было четыре жены, все молоды и привлекательны, ровно до того момента, как он замечал их. Имя первой Элла Фостер, ей было двадцать один год, когда Рональд Эшвуд взял её в жены. В двадцать три она погибла, как говорят: упала с лестничного пролёта и сломала себе обе ноги, руку и шею. Вторую звали Рейна Батт ей едва исполнилось восемнадцать, как она стала миссис Эшвуд. Она была сиротой и вступить за неё было некому, да и вряд ли появились бы желающие. Ее он мучал дольше всех, она практически не выходила

из их отдельного отсека, соединенного с кабинетом. Но туда часто приходил врач. Умерла она в двадцать два, утонула в ванной. Третьей супругой была двадцатилетняя Алисия Бичем, умерла через три месяца после замужества – покончила с собой. Повесилась в тренировочном зале. Нашёл ее тело утром мой нынешний тренер, по его словам он даже её не узнал, все тело было покрыто багровыми синяками, а на правой руке отсутствовал средний палец. Ну и четвёртая жертва – это, как оказывается, сестра Саманты – Лия Келли. Она провела с ним полтора года, ее тоже редко кто видел. Как всегда любит говорить Сенатор: «Институт брака нужно чтить и уважать, жена должна своим видом радовать только мужа». Как она умерла никто не знает, об этом даже не объявили. Все поняли, что он вдовец, когда на собрании он появился в своём чёрном «траурном» костюме в четвёртый раз. Самое обидное в этой истории то, что никому нет дела до того, что этим стадом идиотов управляет неуравновешенный человек с садистскими наклонностями. Они все думают: «вот сегодня день прожили и уже хорошо», а что там с другими? Да плевать. Возможно, я бы тоже так относилась, если честно, просто всё это касается меня напрямую. Мне хочется верить, что если бы мой папа был здесь, то обязательно спас бы меня. Я искренне надеюсь, что он один из лучших людей на этой планете. Он – это единственное, о чем говорит мама, когда более-менее выплывает из дурмана.

После всех этих ужасных смертей я просто боюсь представить, что ожидает меня через полгода. Раньше я недоумевала, почему он ждёт всё это время, следуя пункту договора, но в один из дней я узнала причину. «Ожидание делает мой приз более желанным» – цитата Рональда Эшвуда.

Глава четвертая

Не успеваю дойти до комнаты, как мне преграждает дорогу Люк. Знакомьтесь – это шестерка Сенатора. И его данная перспектива очень даже устраивает. Почти волоком тащит меня в кабинет, хотя у меня и в мыслях не было сопротивляться. Какой в этом резон? В каком-то смысле я даже ждала такого поворота событий. Один тоннель, второй, третий. Дверь. Толчок в спину. Щелчок замка за мной – как выстрел в тишине.

Вдох.

Выдох.

Сенатор сидит за столом и крутит в руках свою любимую перьевую ручку, как он говорил, только ей он подписывает смертельные приговоры. Челюсти сжаты, аж желваки ходят ходуном, боюсь представить, что творится в его больной голове. Ещё страшнее подумать, что он со мной сделает.

Переминаюсь с ноги на ногу, не могу устоять на месте. От него веет чем-то заgrabным, холодным и затхлым, от этого мне не по себе. Всегда при виде Сенатора Рональда чувствую себя напуганной семилетней девочкой, и каждый раз борюсь с этим чувством. В девяти из десяти случаев я проигрываю. Прекрасно понимаю, если он увидит хотя-бы каплю страха – это доставит ему невероятное удовольствие, а это последнее чего я хочу. Стараюсь не спускать взгляда с ручки, которая кочует от пальца к пальцу, лишь бы не смотреть на его недовольную физиономию.

– Ты ослушалась. Почему? – приказной тон.

Голос ледяной, но обманчиво спокойный, значит скоро он начнёт метать громы и молнии, и направлены они будут исключительно на меня. Сама напросилась. Я молчу. Он ждет ответа. И дождется, я знаю. Не скажу по-хорошему, будет по-плохому. А моё физическое состояние сейчас важно как никогда. Завтра бой.

– Так нужно было.

Понимаю, звучит по-детски, но что я ещё могу ему сказать? От страха сводит все суставы так, что я и пошевелиться то не могу. От грохота подскакиваю, на пол летит всё, что было на столе: книги, журналы, какая-то статуэтка в форме льва. После он плавно опускает ручку на стол и располагает свои руки по бокам от неё, упираясь пальцами на поверхность, и так давит на столешницу, что она жалобно скрипит. Голова наклонена вниз, что не даёт мне возможность увидеть бурю в его глазах, а я уверена она там присутствует.

– Ты – мелкая тварь, я на протяжении стольких лет заботился о тебе, оберегал! И что же я получаю взамен?! Я тебе отвечу. Непослушание – вот что! Я такого неуважения, не потерплю от своей невесты! – выпрямляется, и теперь я вижу бурю, которая снесет меня.

Огибает свой стол плавно, словно хищник перед броском и резко подлетает ко мне, хватая за шею и медленно сдавливая её, я не шевелюсь, не должна показывать страха перед ним, ни перед ним, ни перед кем-либо. Не убьет. Знаю... надеюсь.

– Я этого никогда не просила. – мой писк.

– Вот как ты заговорила, ну я тебе напомним. Когда тебе было десять лет, ты мне сказала, что не хочешь больше видеть дружка твоей матери. Припоминаешь? – от его криков мурашки пробегают по позвоночнику.

Его пальцы как щупальца ещё сильнее впиваются в кожу, тем самым перекрывая мне кислород, против моей воли руки поднимаются, и я пытаюсь оторвать его от себя, но он не отпускает, а наклоняется ещё ближе к моему лицу и наши носы соприкасаются, орет так, что слюна брызжет. И этот тошнотворный запах трав.

– Я убил его для тебя! Такого прежде даже для своих жён не делал, но сделал для тебя! – сдавливает сильнее.

Уже не отчетливо слышу его голос, как будто издалека, и чувствую, что моё тело летит в стену, ударяюсь затылком о бетон и оседаю на пол, но это все не важно, важно лишь то, что я снова дышу, с хрипом и кашлем, но пытаюсь втянуть в себя воздух полной грудью. Он только что признался в убийстве. Только это ничего не дает. Кто мне поверит?

– Я вас не просила его убивать, просто не хотела, чтобы он и дальше мучил мою маму и пичкал ее наркотой. Но он исчез, что не мало радует меня, но вы продолжаете её травить. Откуда вообще берутся наркотики в Подземелье? Ты испортил мне всю жизнь, так или иначе я выберусь отсюда, и тебе будет меня не удержать. Я просто хочу найти врача для мамы.

Ненавижу эти разговоры с ним, но приходится отвечать. Иначе боль. Он умеет это делать. Мастерски.

– У нас есть врач! – по его лицу видно, он уверен в своей правоте. Власть затмила в нем всё человеческое. Если оно когда-то было.

– Нет. Это у тебя есть врач, который просто приносит ей очередную дозу, когда меня нет рядом. Я просто хочу ее уберечь, чтобы она больше не мучилась! От женщины, которой она когда-то была, осталась только безжизненная оболочка, и во всем виноват ты и только ты...

– Я? Из-за кого она пошла торговать своим телом? Точно не из-за меня. Достаточно, убирайся. Я услышал в нужной мере то, что хотел. Я собирался беречь и боготворить тебя, но ты сама не захотела по-хорошему, я долго ждал, когда ты вырастешь. Ожидание окончено. Ты свободна! Вооон!

Вылетаю из его кабинета, как будто за мной гонится стая голодных псов. Кстати, о псах, Люк стоит на стреме и улыбается. Не понимаю, как человеку может приносить удовольствие боль других людей. Наверное, он просто моральный урод. Двигаюсь по коридорам на автомате, никого не замечая, хочу закрыться в нашей с мамой комнате и забыть обо всём, воображая о жизни, которая не приносила бы столько боли и страданий, где я была бы обычной девушкой и жила с родителями в нашем большом доме с террасой, ходила бы на свидания и в колледж, встречалась с подругами за чашечкой кофе. Я даже не могу до конца нарисовать эту картину в своей голове. Я не помню, как выглядит небо и обычный дом, который стоит на поверхности, а вкус кофе я вообще не представляю. Говорят, раньше его очень любили, наверное, он вкусный. Вместо свиданий мне нужно думать о том, как выбраться отсюда, найти отца, если он жив, конечно, спасти маму и самой не угодить в лапы похотливого тирана. Всего-то.

По возвращению в комнату вижу все ту же унылую картину, что и всегда: шкаф, стол, кровать, чертова лампочка опять мигает. Немного пульсирует затылок и першит в горле, в остальном я в норме. Нужно сегодня лечь спать пораньше, завтра будет сложный день, ещё один этап отбора. Я должна буду выложиться на все тысячу процентов из ста. Но одна мысль не даёт мне долгожданного покоя. Он сказал: «ожидание окончено», что это значит?

Глава пятая

День не задался с самого утра, все началось с того, что я проснулась под рвотные звуки мамы. Ей было очень плохо, я сбежала за врачом, он поставил ей какой-то сомнительный укол. После она уснула примерно минут на тридцать. Я отвела её в душевые. Скажу вам честно, что тащить на себе человека, который тебе практически не помогает – это тяжело, а мыть и помыть. Мне пришлось посадить ее прямо на пол в душевой, когда я пыталась ее намылить, она как маленький ребёнок брыкалась и отталкивала мои руки. Еле-как завернутую в полотенце довела до кровати и уложила. Примерно через пять минут прозвучал гонг, значит время шесть утра, в зале мне нужно быть в восемь.

От нервов сводит зубы, да так, что не могу сосредоточиться ни на чём. Сегодня скорее всего решится наша дальнейшая судьба. Нужно сходить в столовую: забрать еду и покормить маму. Сейчас она спит, немного вздрагивая во сне.

Иногда я завидую Дженни, хотя по мне, зависть – это самое ужасное чувство, но сделать с собой ничего не могу. У неё полноценная семья, конечно, им тоже приходится тяжело. А кому здесь легко? Мне кажется, самое главное – это поддержка. Она знает, что дома ее всегда ждут. К примеру, если в один из дней я не вернусь, то, к моему глубочайшему сожалению, никто и не заметит. Никто не будет бить тревогу. От этого печально. Но факт остаётся фактом: если, я умру, даже некому будет слезу пустить обо мне. Ну да ладно, ведь мне уже будет все равно.

Блин, голова до сих пор немного побаливает и шея тоже, а из новенького – тупая боль в правом бедре, приземлилась на бетон вчера неудачно, это явно мне не поможет в сегодняшнем поединке. После столовой я покормила маму, сама есть не стала, кусок в горло не лезет. Помылась, переоделась и направилась в зал.

На табло написаны имена в две стопки, мой бой третий сегодня. Имя противника мне ни о чем не говорит – Брэдли Рива. Бой Саманты сразу же за мной, ее оппонент Рой Харли, а вот его я знаю. Он, как и я, исправно ходил в зал, является одним из лучших бойцов в Подземелье. Я не представляю, как Саманта его одолеет. Он высоченный, на голову выше ее, да и примерно раза в три больше. Успокаивает одно – он просто её одолеет, а не избыет до полусмерти. Рой вроде относительно порядочный парень. Сюда его доставили ребёнком. Одного, без семьи, ему выходит было шесть лет, шефство над ним взял тренер и практически заменил ему отца, и как я знаю, Рой очень за это благодарен.

– Да, не очень мне повезло.

Саманта возникает, как всегда, из ниоткуда. Выглядит идеально: на губах легкая улыбка, глаза светятся, волосы собраны в высокий хвост, смотрит на табло, о чем-то раздумывая.

– Хотя тебе повезло не больше. – выгибает бровь.

– Почему? Ты в курсе кто такой, этот Брэдли? – наклоняюсь ближе к ней и говорю тихо.

– Нет, в этом и загвоздка, такого имени не было на первом этапе, но всем конечно же безразлично, так как они понимают чьих это рук дело. Мне интересно, как он попал во второй, минуя медосмотр. И куда делся парень по имени Фредди. Он прошёл медэтап, но в списках на бой его нет.

Переводит взгляд на меня и слегка хмурит брови.

– Как думаешь, это связано с Сенатором? – говорит Саманта.

– Скорее всего да, но как он это сделал? – отвечаю я.

– Я тебя умоляю. Он здесь может сделать всё, что пожелает, если честно, я не знаю, как тебе вообще удалось попасть на отбор.

– Откровенно говоря, я ничего особенного не делала. Просто взяла и пришла. – пожимаю плечами.

– Вот именно. Тебе не кажется это странным? Я думаю, он специально тебе позволил пройти во второй тур.

– Но зачем? Какая ему из этого выгода?

Саманта смотрит на меня печальным взглядом, а я просто нахожусь в недоумении.

– Боюсь, мы скоро узнаем. – Саманта закусывает нижнюю губу и отворачивается от меня. Холодок пробегает по спине, словно я мокрая стою на ветру. Незнание пугает, особенно если она касается Сенатора.

– Тишина! Слушаем меня внимательно! – громкий окрик.

Перевожу взгляд на одного из инструкторов, который стоит по центру ринга и держит в руках бумаги, на лице написано сомнение, но через какую-то секунду он уверен, как никогда. А стоило всего лишь посмотреть на одного из судей.

– Я повторять не буду. Сегодня состоятся все бои, их будет тринадцать. Первый начнётся через час, каждый бой будет длиться девять минут: три раунда по три минуты, перерыв сорок пять секунд. Бои будут проходить здесь же на ринге, присутствовать в зале могут только бойцы, судья, медик и жюри, которое состоит из пяти уважаемых жителей Подземелья – это наш тренер Пол, тренер Престон, господин Сенатор, глава безопасности Карл и глава развития Лидия.

– А Лидия здесь зачем? – недоумевает Саманта.

В ответ пожимаю плечами, откуда мне это знать, да и после слов моей новой знакомой о том, что Сенатор просто позволил мне "зачем-то" пройти во второй этап, становится жутковато, кто знает, что творится у него в голове.

– За этот час до начала первого боя вы можете размяться, либо отдохнуть. Выбирайте сами, после того, как прозвучит гонг на первый бой, тренировки запрещены, как и запрещено покидать зал на протяжении всего этапа, исключение – туалет и медпункт. Всё, расходимся, просьба: все, кого я назвал остаться, остальные же покиньте зал. Удачи вам!

Начинается суматоха, кто-то кому-то желает удачи, наблюдающие выходят, бойцы, наоборот, некоторые идут к грушам, которые вернули на место после медосмотра, кое-кто раскладывается на маты. Саманта тянет меня в сторону от всех, на мат в самом углу зала.

– Нам туда. – указывает Саманта.

В нашу сторону направляется ее будущий противник Рой Харли. Я напрягаюсь.

– Здесь занято.

Голос Саманты звучит весело, я смотрю на неё в недоумении, в это время она смотрит на Роя и светится, как рождественская ёлка. Он тоже смотрит на неё, но по его лицу невозможно ничего прочесть.

– Я в курсе. – опускается рядом с нами.

Голос у него, конечно, завораживающий, это я заметила уже давно. Уверена, не я одна постоянно провожаю его взглядом. Он красив, спортивен и не такой говнюк, как остальные парни. Это нереальная смесь.

Саманта в центре, мы по бокам.

– Не ожидал, что меня поставят против тебя. Я проиграю. – заявляет Рой.

Так, подождите, они знакомы? Ни разу их вместе не видела, хотя, его я не видела ни с одной девушкой, он практически всегда находится в зале: помогает Полу или занимается. Саманта говорит тихо и не смотрит в его сторону, ее взгляд устремлён прямо, на двух парней, боксирующих на ринге.

– Не вздумай. Мы должны вместе пройти второй тур. Ты, я и Джей. Никаких поддавков, они сразу все поймут. Кстати, это Джей, я тебе о ней говорила. А это Рой – мой друг.

– Друг?

Я пропищала это слово, не представляю, как они могут дружить, она взбалмошная и реактивная, а он спокойный и рассудительный. Полные противоположности.

– Да, друг. Чему ты удивляешься? Кстати, драться он меня и учил. Теперь ученик против учителя, да, Рой? – легкая улыбка скользит по лицу Саманты.

– Сэм, ничего смешного нет. Я проиграю, ты пройдёшь дальше, вот и всё. – он непреклонен.

– Нет. – спорит Саманта.

– Да. – отвечает Рой.

– Я сказала нет! – взрывается и делает глубокий вдох успокаивая себя.

Поворачивается лицом к нему, разговаривая на этот раз спокойно. Как с маленьким ребенком, которого пытается успокоить:

– Ты же знаешь, я без тебя там не справлюсь. Хочешь отправить меня одну черт знает куда? В полную неизвестность? Не думала, что так быстро тебе надоем.

Рой бросает на неё красноречивый взгляд, что мне становится не уютно. Кажется, я заглянула туда, где могут быть только двое, во что-то сокровенное и очень личное.

Тем временем, Рой сжимает челюсти и запускает руку себе в волосы, дергая их, словно хочет вырвать клочок.

– Твою ж мать... Хорошо... значит мы должны показать максимум, не убить друг друга, и сделать так, чтобы остальные померкли на нашем фоне, и из нашей с тобой пары прошли мы оба. – напряженная пауза. – Но ты должна понимать, если пройдет кто-то один, он обязан выбраться и вытащить второго. Договорились?

Выжидаяще смотрит ей в глаза, Саманта протягивает руку к нему и сжимает его напряженный кулак так, что он его расправляет и берет ее ладонь в свою, очень нежно и трепетно. По-моему, это не просто дружба, а нечто большее, со стороны Роя так точно. Хотя, в отношениях мужчин и женщин я полный профан. К “печальной невесте”, подходить запрещено. Не то чтобы был такой указ. Нет. Его и не нужно, меня и так за километр обходят.

– Да. – согласилась она.

Она забирает свою руку обратно.

– С нами-то все понятно, но что делать с Джей? Ты знаешь её противника? – неуютно не только мне. Саманта переводит тему.

– Нет, видел пару раз, это человек Сенатора и по слухам – он не особо дружит с головой, это всё что мне известно. – пожимает плечами.

– Может, нам тоже стоит потренироваться?

Не хочу конечно прерывать их диалог, за ними интересно наблюдать, но от нервов и страха перед неизвестностью я не могу сидеть на месте, в голове проносятся мысли одна хуже другой, и немного физической нагрузки не повредит, хоть отвлекусь немного.

– Нет, мы будем сидеть и наблюдать. – отвечает Сэм.

Саманта выглядит как «просто само умиротворение». Как ей это удастся? Я уже вся издергалась.

– Не думаю, что будет умным показывать на что мы способны до боя, но, возможно, нам пригодится то, что мы видим, наблюдая за другими. Тем более ты хромаешь. – показывает на мою ногу и хмурится. – Если вы не заметили, в зале на данный момент двадцать пять бойцов. – добавляет она.

– Заметил, не хватает одного. И мы все понимаем кого. – переводит взгляд на меня. – Джей, я видел, как ты занимаешься, твои сильные стороны – это скорость и удары ногами, используй это.

– Хорошо, но вся беда в том, что у меня болит бедро. – чертов Сенатор постарался.

– Что случилось? Я хотела спросить, как увидела тебя. И, кажется, у тебя синяк на шее.

Искренний порыв Саманты, как-то странно влияет на меня, я к этому настолько не привыкла, что в определенный момент мне становится неуютно под её пристальным взглядом и

искренним переживанием. Искренним ли? Я привыкла сомневаться во всем и во всех. Отделаться от этого будет нелегко.

– Ходила в гости вчера вечером.

– И как результат?

– Как видишь, не в мою пользу. К сожалению.

– Забей на свою ногу, ты должна сконцентрироваться на противнике. Следи за ним во время боя, не только как он бьет, более важно то, что он делает до удара. – поучает меня Рой.

Он показывает на парня с кудряшками, который пытается навалить груше, и я вам скажу, у него неплохо получается.

– Смотри на него. Наблюдай, это может спасти тебе жизнь.

И я слежу за ним, но мне кажется, я не вижу того, что он хочет мне объяснить... хотя...

– Он приставляет ногу. Перед тем как нанести удар. – отвечаю я.

– Да, молодец. Наблюдай за противником, будь сосредоточенной, не позволяй себе отвлекаться ни на что, всего секунда твоего внимания может стоить тебе свободы. Кстати, это не твоя подруга? Ее только что ввели в зал.

Поворачиваюсь в сторону входа и вижу Дженни, которая идет ко мне с нервной улыбкой на лице. Она переживает, но я рада, что она здесь. Это как негласная поддержка.

– Привет, ты заходила к моей маме? – меня мучает совесть, что надолго оставляю её одну.

Я вижу Дженни насквозь, что-то с ней не так, нервничает и сжимает бутылку с водой в руках, а взгляд как у загнанного зверька.

– Да, с ней всё хорошо. Ну относительно – она спит. – даже голос на октаву выше.

Меня не покидает чувство, что Дженни хочет ещё что-то сказать, но ее перебивает звук гонга, и все лица теперь устремлены на площадку, где сейчас состоится первый бой.

На ринг поднимаются два парня, кудрявый – тот, что приставляет ногу за секунду до удара, и брюнет с волосами до плеч, он нагло смотрит на первого и расслабленно забирает свои волосы в хвостик. У него ещё хватает наглости запугивать кудрявого парня, медленно сжимает правую руку в кулак, отодвигает большой палец в сторону и проводит им по своей щеке. Тем самым говоря: «мол все парень, конец тебе». Кудрявый нервничает и это очень заметно. Что сказать, брюнет достиг своей цели – напугал противника и выбил тем самым его из колеи. Напротив ринга расставили стол и пять стульев, за которыми расселись жюри, по центру конечно же сидит Сенатор, но удивительно то, что на меня он не смотрит, всё его внимание сосредоточено на ринге, а точнее на наглом брюнете. Все бойцы встали полукругом от ринга, интересно же, как другие будут сражаться и насколько далеко они зайдут. Пока объявляют их имена и правила боя, спрашиваю у Дженни, как она попала сюда.

– Я буду разносить воду бойцам и подавать полотенца, если понадобятся, меня попросили помочь. – избегает моего взгляда.

– Хорошо, может моему противнику подкинешь что-нибудь в воду? – пытаюсь разрядить атмосферу.

Слышу смех подруги, он такой напряженный, как будто ей неуютно рядом со мной, такого никогда не было. Что-то с ней явно не так. Быстро нахожу объяснение её поведению. Это ведь Дженни – она паникер.

– Дженни, всё хорошо? Ты так нервничаешь, будто тебе выходить на бой и получать по голове.

– Я просто очень за тебя переживаю. Может откажешься от этой затеи и останешься здесь со мной и мамой? Так будет лучше...

Не могу больше слушать это и перебиваю ее на полуслове, чувствую, как гнев поднимается по венам и закипает во мне неудержимым потоком слов. Этот спор мы ведем уже пару лет, Дженни не хочет меня терять, и я это понимаю. Но она до конца не осознает последствия “моего” положения.

– Кому будет лучше? Тебе? Твоя мама вообще против того, что мы общаемся. Мне? Когда я буду «супругой» этого монстра и неизвестно, что будет происходить за закрытыми дверями? Через сколько он наденет свой траурный костюм в пятый раз. Что будет с моей мамой, когда я умру. Если я останусь, никакой медицинской помощи она не получит, и сколько, по-твоему, она ещё протянет? Месяц, два, полгода? Да она и сейчас то не живет, а существует.

Чувствую, кто-то тянет меня за руку, но единственное, что могу сделать, это смотреть в растерянное лицо подруги и сжимать руки в кулаки до боли в пальцах. Почему она не может понять меня? Я больше не могу мириться с такой жизнью. А скоро она станет только хуже.

– Ну так скажи мне, кому будет лучше? Ты знаешь, как для меня это важно. Знаешь это лучше всех!

Наконец в мои легкие поступает воздух, во время этой тирады я не дышала даже, а во рту пересохло. Забираю бутылку воды у Дженни и с жадностью выпиваю одну треть. Слышу тихое "прости" от нее и перевожу взгляд на ринг, где бой уже идёт во всю.

Точнее, избиение кудрявого парня, у него уже все лицо в крови, разбита губа и бровь, а ведь ещё первый раунд не закончился. Его противник расхаживает по рингу, словно король, взмахивает руками, подбадривая толпу глупцов, которая ликует. Только и слышно: «врежь ему уже», «добей и дело с концом», «давай с ноги». Он стоит спиной к кудрявому и даже не боится того, что тот нанесёт удар со спины. Кудрявый начинает подходить к нему, и это его фатальная ошибка. Брюнет с разворота бьет его ногой в челюсть, слышен хруст сломанной кости. Кудрявый падает на ринг, и его тело ударяется с глухим звуком, словно бросили мешок с мукой. Смотрю в его глаза и понимаю, что скорее всего он мёртв. Толпа замолкает. Видимо только сейчас до них дошло, что это не игра, а Борьба, которая может привести их не просто к ушибам и ссадинам, а к прощанию с жизнью. Не могу отвести взгляд от кудрявого, его грудная клетка не поднимается и не опадает. Он умер.

В это время брюнет отвесил поклон и удалился с ринга, по пути выхватив полотенце из рук Дженни, которая стоит и трясётся, как осиновый лист, но не спускает с меня щенячьего взгляда. Парень проходит мимо меня, и я сама не понимаю, что делаю, хватаясь за его руку.

– Чего тебе? – он даже не запыхался.

Смотрит сверху вниз и хмурится, словно я надоедливая муха.

– За..зачем ты это сделал? – голос звучит так тихо и неестественно, что ему приходится наклониться, чтобы расслышать меня.

– Сделал, ЧТО? – низким тембром его голоса с небольшой хрипотцой можно заморозить, тогда как кожа на его предплечье горячая, как лава.

– Убил.

Приподнимает бровь, хмыкает и вырывает свою руку у меня.

– Ты дура? Он просто в отключке с переломанной челюстью. Можешь не переживать, он всё ещё дышит.

Смотрит на судей, слегка кивает головой ... Сенатору. Очередной прихвостень "его величества". Идёт дальше на тот мат, где раньше сидели мы. Настолько расслабленной походкой, словно только что не дрался на глазах у всех.

Парня, распростертого на ринге, уносят медики и сообщают, что он жив, но без сознания, и это хорошо, так как челюсть его сломана. перевожу взгляд на брюнета и ловлю его на том, что он смотрит на меня. Когда наши взгляды пересекаются, он поднимает одну бровь, тем самым объясняя мне, что он был прав, а я полная идиотка. Так я себя и чувствую, зачем вообще лезу туда куда не стоит? Это моя вечная проблема. Делаю, а потом думаю.

На ринге уже следующая пара, но их разглядеть у меня не получается, перед глазами плывёт, а в ушах стоит гул. Начинаю теряться в пространстве. Зрение подводит, всё двоится и пульсирует перед взором. Черт. Что-то мне не хорошо. Закрываю глаза, а открыть не могу. С неимоверным усилием открываю и вижу серый потолок, танцующий в моём сознании. Так,

подождите, потолок? А, ну да. Я лежу на спине. Всё нормально. Когда я легла? Зачем я легла? Ничего не понимаю. Мое тело парит в воздухе, словно я птица. Но я не птица. Так, это Рой несёт меня куда-то, сквозь гул слышу голос Саманты, но не могу разобрать слов, ее лицо периодически мелькает перед глазами, но черты я рассмотреть не могу. Понимаю, что это она, только по рыжей шевелюре. Закрываю глаза. Темнота. Мне нравится темнота. Такое умиротворение. Я лечу во мраке, и только гул мешает мне сосредоточиться на важном.

В мой полёт врзается волна, холодная и неприятная. Она заставляет меня открыть глаза и вздохнуть полной грудью. Что за чёрт?

– жей, не кривай аза! Поняла!? – Саманта орет мне в лицо, но я не понимаю, что ей надо, пусть уйдёт и оставит меня в покое. Хочу в темноту, я её сюда не звала.

Опять волна, и удар по лицу. Блин, больно. Или нет.

Теперь мой взгляд утыкается в унитаз, а я сижу на коленях перед ним, с лица стекает вода, гул становится слабее и теперь я чётче слышу.

– Джей, ну давай. Два пальца в рот. Блюй же! Ну! Что ты ей дала!? – Она так орет, что мои перепонки не выдерживают, и я пытаюсь заткнуть уши, но руки не слушают меня, они словно ватные.

– Так, хорошо. Я сама это сделаю, но ты будешь мне должна. Рой, держи ей голову. – решительный голос Саманты долетает до спутанного сознания.

Что она сделает сама? Зачем что-то держать. Она одной рукой хватает меня за челюсть и давит на неё так, что мой рот сам открывается против воли. Зачем она лезет своими пальцами мне в рот. Фу, это отстой какой-то. Мысли путаются, и тут меня выворачивает наизнанку, рвёт так сильно, что воздух не успевает поступать в легкие. Оседаю на пол и наконец вдыхаю, и тут же в лицо летит мокрая тряпка, точнее полотенце, но оно такое ледяное, что я откидываю его в сторону. Где-то на периферии сознания слышу плач. Рыдает Дженни, ее кто-то обидел. Опять. Я всегда за неё заступаюсь. И сейчас должна. Осталось собрать себя по кусочкам, и в бой.

– Вот так-то лучше. Вставай, сейчас твой бой, противник уже на ринге. Давай же!

Саманта тянет меня за руку, и я еле как поднимаюсь, но стою уже без опоры, что не может не радовать меня. Обвожу глазами туалет, Рой и Саманта смотрят на меня с беспокойством, Дженни сидит в углу и утирает заплаканные щеки, глаза ее опухли и покраснели.

– Что случилось? Почему ты плачешь? – язык плохо слушается меня.

Ответа мне никто не даёт, взамен получаю толчок в спину от Саманты.

– Иди, твой бой. – она нетерпеливо толкает меня к двери.

– Бой? Какой бой? Вот черт. – останавливаюсь.

Мгновение и тут обрушиваются воспоминания. Отбор, ринг, брюнет идёт в угол, назвав меня дурой, я в шутку прошу Дженни подсыпать “что-то” моему противнику, её странное беспокойство, вода, потолок, унитаз.

– Ты меня опоила. – это не вопрос, а скорее констатация факта. Нет, я всё поняла, и от этого на душе становится погано. Вот, скажите мне, как после этого можно доверять людям?

– Иди, если не выйдешь, то автоматом вылетаешь, давай. – очередной толчок от Саманты, и я иду, еле передвигая ноги. В них такая тяжесть. Думаю, на ринг мне не подняться. Паника приветствует меня, расправив свои объятия.

– Как мне выиграть, если я как черепаха передвигаюсь? – ответ никак.

Риторический вопрос повисает в воздухе и как легкое перышко опускается на пол. Увы, ответа я не слышу, и сама не знаю, как быть. Перевожу взгляд на бывшую и единственную подругу, что оказалась змеей, пригретой на груди. В глазах начинает жечь, и одинокая слеза срывается с ресниц. А это больно. Меня предали. До этого момента, я не испытывала таких чувств. Всё просто, никого нельзя подпускать к себе. Тогда избежишь боли.

– Ты убила меня. И мою маму. Хочу, чтобы ты знала, это будет на твоих руках.

Больше не могу на неё смотреть, тошнота подкатывает от её предательства, поднимая голову и расправляю плечи, проходя мимо неё к выходу из туалета.

– Прости меня, он мне угрожал. Угрожал моей семье. У меня не было выбора. – всхлипывания и поток очередных слез. Слез, что больше не трогают меня за живое. Возможно, виной всему является то, что внутри меня с каждым днём всё меньше и меньше жизни остаётся. Останавливаюсь у двери и отвечаю ей.

– Мне плевать. Выбор есть всегда. Возможно, ты и сделала правильный. Как знать.

Да конечно, зрелище убогое: лицо и волосы мокрые, как и половина рубашки, стараюсь идти ровно, но то и дело спотыкаюсь, пробираюсь к рингу и моему взору открывается вид на широченную спину моего противника, она вся в шрамах, словно его били плетью и не один раз, голова лысая.

– Ну наконец то, я думал, ты не придёшь. – голос спокойный и тихий, оборачивается и смотрит мне в глаза. – Не переживай, я сделаю всё быстро и максимально безболезненно, но немного больно все же будет.

Подходит к краю ринга, ставит одну ногу на нижний канат, рукой поднимает вверх следующий и вторую подаёт мне. В растерянности принимаю его помощь и забираюсь на ринг.

Гонг. Бой начался.

– Ничего личного, Джей. Хотя какое личное, я тебя вижу впервые.

Встаю в позицию, но это бессмысленно, он настолько быстро двигается, или я заторможена из-за воды Дженни, он обходит меня и берет мою шею в захват. Удушающий прием, один из самых эффективных для быстрой победы. Почему все хотят меня задушить? Не хватает кислорода, пытаюсь оторвать его руку от себя, но без результата, ещё какие-то секунды и мой мир померк. Потолок. Темнота. Умиротворение.

Глава шестая

Очнулась я уже в палате. Медленно приходит осознание того, что я проиграла. Теперь я сгнию здесь, это был последний шанс на наше спасение от Сенатора. Я проиграла, и не важно, как и с чьей помощью. Факт остаётся фактом, мы умрем в этой дыре, все мои поползновения окончились ничем иным, как провалом. Возня на месте. И с чего я решила, что у меня что-то получится? Это изначально было провалом, он просто поиграл со мной. Пусть эта глупышка подумает, что сможет сделать что-то по-своему. Видимость свободы действия и выбора, а ведь я купилась.

Кап-кап, кап-кап, кап-кап...

Веки такие тяжелые, пришлось приложить немало усилий, чтобы их разлепить, во рту сухо, как в пустыне, аж язык к небу прилип. Лежу в палате на твёрдой каталке, в одну руку воткнута капельница, и в этой оглушительной тишине звук падающих капель и моих печальных мыслей звучит так громко, словно отбойный молоток. Пытаюсь сесть, но мне мешают ремни, которыми меня привязали, видимо, чтобы не сбежала. Это даже смешно теперь. Куда мне бежать? Мы в закрытой коробке, в которой куча лабиринтов и ходов, но сколько не бегай, выхода нет и больше уже не появится.

Скрип открываемой двери и уверенные шаги доносятся до моего слуха, но мне даже не хочется смотреть, кто пришёл и зачем. Меня больше ничего не интересует, хотя интересно, сколько я пролежала здесь. Очень хочется есть, пить и писать.

– Даже не поприветствуешь меня? Так и думал, никаких манер.

Вот его я не ожидала увидеть, парня, который открывал своим боем второй этап, тот самый, что назвал меня дурой. Отстегивает ремни и помогает мне сесть, но меня начинает клонить в сторону, и приходится схватить его за руку, чтобы не свалиться с кушетки.

– Ооо, осторожней. Держи воду. – протягивает бутылку.

Это какой-то прикол? Смотрю на него скептически.

– Это просто вода, травить я тебя не собираюсь, мне это ни к чему. Я просто должен тебя проводить к Сенатору и всё. Дальше я пойду собираться, вылазка через два часа, так что давай побыстрее, времени в обрез.

Смотрю в его глаза и понимаю, что он говорит правду, ему плевать на меня, он просто выполняет свою работу. Медленно подносит бутылку к своим губам и делает несколько глотков, после протягивает её мне. Следую его примеру и тут же давлюсь. Становится легче, уже могу сидеть без поддержки.

Помогает мне слезть с каталки и ведёт по коридорам, я еле плетусь за ним. Резко останавливается, так что моё непослушное тело впечатывается в его мощную спину и незамедлительно приземляется на пол.

– Это действие эфира, скоро придешь в норму. Может тебя донести? – опять выгибает бровь, думаю этот жест начинает меня бесить с каждым разом всё больше и больше.

– Уверен, так будет быстрее. – торопит меня.

– Не хочу быстрее. – голос скрипучий и еле слышный, я его с трудом узнаю.

– Да, я понимаю, не самая приятная компания для тебя, на ближайший остаток жизни.

– Спасибо, что напомнил.

Сарказм так и сочится в наших репликах, не понимаю, зачем я вообще трачу на него свои силы, которые и так на исходе.

– Не думаю, что ты забывала.

Сейчас насмешки в его словах я не заметила. Разворачивается и идёт дальше, но уже медленнее, и я ему за это признательна. Дорогу нам преграждает Люк, так называемый охран-

ник «его величества» Сенатора. Со своей фирменной мерзкой улыбочкой смотрит на меня и подмигивает. Мне плевать на него. Мне плевать на всех.

– Сенатор сказал проводить ее сначала к ней домой, там нашу крошку ждёт подарочек. Только после этого вести к нему. Удачи, детка, скоро увидимся. – посылает мне воздушный поцелуй и уходит, что-то насвистывая себе под нос, и явно не попадая в ноты.

– Надеюсь, ты оценишь сюрпрааайз. Мы очень старались. – крикнул, уже заворачивая за поворот.

С большим трудом нам удалось преодолеть расстояние до моего дома, но мы на месте, дверь приоткрыта, переступаю порог...

Тишина.

Гробовая тишина, нет даже слабых стонов матери. Нет вообще никаких звуков и что удивительно – это полная темнота, как бы я была рада сейчас мигающей лампочке. На ощупь подхожу к кровати и пытаюсь дотронуться до мамы...

Пусто.

Ее нет.

Но мои руки трогают влажную простынь, начинаю хаотично шарить руками и натыкаюсь на лист бумаги, хватаю его и выхожу наружу, все мрачные предчувствия проносятся через меня ураганом:

«Моя дорогая невеста, сегодня я дарю тебе то, чего ты хотела больше всего на свете, но это мой последний подарок. Жду тебя на церемонии бракосочетания через пятнадцать минут».

Читаю и мне становится так страшно, наверное, как никогда в жизни. Он сделал что-то ужасное. И почему церемония сегодня? Ладони покрываются липким потом. Нет, не потом. Только сейчас замечаю, что мои руки мокрые от крови. Мне приходится обтереть их о штаны, это кровь мамы. Неподъёмный булыжник давит на грудь, не давая нормально дышать. Читаю дальше:

«Ты хотела освободить свою мать от боли и несчастий. Она свободна.

С любовью и ожиданием, Сенатор Рональд».

– Он ее убил. – промямлила я и облокотилась на стену, рассматривая кровавые трясущиеся руки.

– Мне жаль. – я и забыла, что не одна.

Смотрю в карие глаза парня, о существовании которого я не подозревала и недели назад. И именно он стал свидетелем той боли, что написана у меня на лице.

Ему жаль. Ага. Конечно. Всем плевать. Почему я так спокойна? Неверие? Шок? Транквилизаторы в венах? Или чем там меня накачали в палате. Я не знаю. Выпрямляюсь и убираю записку в карман.

– Я готова, води меня к Сенатору. – я знаю, что буду делать.

Глава седьмая

На трясущихся ногах переступаю порог кабинета Сенатора, не могу удержать себя в руках и медленно подхожу к нему.

– Ты ее убил! – крик разрывает тишину.

– О, милая, ты запачкалась. И между прочим, я сделал то, что ты просила и только. – ехидная улыбка появляется на тонких губах. – Ты сама говорила, что «твое главное желание в этой жизни – это свобода от меня и окончание мучений твоей мамы». Так она свободна, и больше ее мучить Я не буду.

Медленным шагом заставляю свое тело подойти к Сенатору. Замахиваюсь и даю ему пощечину такой силы, что немеет ладонь, а его голова поворачивается до хруста в шее. Я наслаждаюсь этим звуком, слишком долго мечтала съездить по его физиономии, тем более терять мне больше нечего. Мамы нет. Меня тоже скоро не станет.

Смех. Тихий угрожающий смех Сенатора. Потирает ладонью место удара, и его глаза загораются. Это предвкушение. Этот кусок говна думает, что сможет сделать со мной всё, что его больная фантазия рисовала долгие годы. Но он ошибается. Единственная причина моего подчинения – моя мама. Которой больше нет. По его вине.

– Это было зря, сейчас сюда придёт свидетель нашего брака, а пока я преподам тебе урок номер один. Не смей! На МЕНЯ поднимать руку. – замахиваюсь ещё раз, но он перехватывает запястье и тащит меня к столу, где стоит блюдо под крышкой и пара приборов для еды. Видимо свадебный ужин. Как мило.

– Ты думаешь, я буду выполнять твои правила? Ты рехнулся! Убийца! Тебе больше нечем меня удерживать, ты потерял свой последний козырь. – хочу, чтобы он знал, я буду биться до конца. Не уступлю. Знаю, живой этот кабинет мне не покинуть.

Опускает резко мою руку на стол ладонью вниз и крепко держит за запястье, так что я уже перестаю чувствовать пальцы, смотрит мне в глаза со смесью злости и предвкушения. Даже губы облизал. Мерзость какая.

– Тут ты ошибаешься, мой последний козырь ещё в рукаве, а пока запомни раз и навсегда... теперь ты МОЯ собственность, и когда я говорю, ты выполняешь!

Резко хватает со стола нож, и словно в замедленной съёмке я вижу, как он заносит его над головой и очень резко опускает на обратную сторону моей ладони. Крик. Боль.

Вот так в один миг мое сердце, разрываемое на миллиард осколков болью и отчаянием от потери мамы, наполняется другой болью не менее мучительной, но более физической и реальной. Нож торчит из моей руки. Твою мать... Выдергивает оружие и бросает на стол. Мою руку, истекающую кровью, пытаюсь перевязать хоть как-то, салфеткой, что лежала возле окровавленного ножа, зажимаю один край в зубах и со стоном резко дергаю, завязывая узел. Такой боли я не испытывала никогда и наверное, только сейчас я понимаю, какое чудовище взяло надо мной верх. Зажмуриваюсь так сильно, что от созерцания Сенатора меня спасают чёрные бабочки под моими веками и стук в дверь, тихий и еле слышный, но все мои чувства сейчас работают на таком пределе, ведь я словно раненый кролик в норе у голодного волка. Я должна быть сосредоточена, вероятно, у меня будет какая-то возможность отмщения, хотя верится с трудом. И я должна быть готова.

Он даже глазом не повёл на стук и продолжил свою тираду, переходя на другой край стола и присаживаясь, начал раскладывать еду на две тарелки и одну пододвинул мне. Оседаю на стул, и в моей голове никак не укладывается, что же он за человек? Я правда в недоумении.

– Вот сейчас ты меня слушаешь и не будешь перебивать. Договорились?

Мне остаётся только кивнуть и ощущать, как боль растекается по моей руке, словно ее окунули в огонь и держат там так долго, что плоть начинает слезать. Сейчас угроза надо мной

висит как никогда близко, мой страх перед ним вырос до небывалых высот. Пытаюсь зажать рану другой рукой, но крови очень много, и она просачивается сквозь пальцы, марая белоснежное покрывало на столе.

– Во-первых, твоя мама жива! – пережёвывает что-то хрустящее, не отрывая взгляда от меня.

– Что? Простите меня, я молчу. – он специально это говорит. Я не верю ему. С удовлетворением смотрит на мою руку.

– Ещё одно слово и я отрежу тебе палец. – говорит таким будничным тоном, словно только что не вонзил в меня нож, в прямом смысле слова.

– Итак, твоя мама жива, но ты ее никогда больше не увидишь. Я отправил ее наружу, мои люди доставят ее в город Чёрная Пантера, где постараются вылечить. Хотя сейчас я думаю, что надо было ее убить и делу конец. Ты же в свою очередь будешь слушать меня и уважать. Если меня что-то будет не устраивать, то я передам весточку в госпиталь, и ее просто убьют. Хотя нет. Не просто, а с пытками. Ясно? – ожидает ответа.

– Нет. – в голове сумбур, я вообще не понимаю, что он несёт, похоже, у Сенатора поехала крыша. Или это моя помахала мне на прощание.

– Что тебе непонятно? – устало вздыхает и поправляет свою проклятую ручку, что лежит у него в кармане рубашки.

– Ммм... Моя мама жива и находится на поверхности? Но как? Что за Чёрная Пантера? Почему они вам помогают. И откуда вы вообще знаете про этот город, ведь никто из предыдущих вылазок не вернулся. – сам спросил.

– Боже мой. – театрально закатывает глаза. – Я и забываю иногда, что все это стадо ничего не знает. Как ты думаешь, по какому принципу собрали людей, которые живут здесь? Ведь люди, находящиеся в моем распоряжении, совершенно разные, они жили в разных краях страны и занимались совершенно обычными вещами, когда за ними приезжали машины, прилетали вертолеты и начали свозить их сюда? Как ты думаешь, почему именно раз в год и именно двадцать самых лучших из этого отребья идут наверх? Как думаешь, почему ни один не вернулся? Ответ очень прост – так надо. Большого я тебе не скажу, а если ты скажешь слово хоть кому-то, во-первых, тебе не поверят. Во-вторых, я вырежу твой язык и, конечно же, в-третьих, твоя мама умрет. Всё ясно?

– Да. – в голове проносится только одна мысль: «Мама жива, я не виновата в ее смерти», огромный камень с души просто рухнул в небытие и, не смотря на физическую боль, из глаза скатывается слеза счастья и умиротворения.

– Где доказательства того, что она жива? В комнате всё в крови. – вторая мысль, наверху есть люди. Живые. Если Сенатор не врет, конечно.

– Мое слово – вот твоё доказательство. – решил лишний раз указать на свою значимость. – А кровь – это моего бывшего помощника, у него видите ли совесть проснулась. Ну да ладно, всё улажено. Сейчас за дверью уже ждёт свидетель, который заключит наш брак, а после мы с тобой спустимся проводить наших добровольцев в путь. Но до этого хочу тебе кое-что показать. – Встаёт и протягивает мне руку, для меня это не просто рука – это олицетворение пут, которыми я скована. Сейчас не время делать глупые поступки. Хотя раз нужно подумать, потом сделать. Вкладываю свою здоровую правую руку в его большую и влажную ладонь, отчего мне становится противно от себя самой. Я иду у него на поводу из-за страха, возможно, я буду самая быстро умершая жена Сенатора, а жить я хочу и даже очень. У меня снова есть цель. Это самое главное. Знаете, в определённый момент своей жизни я думала: "лучше умереть, чем что-либо", но сейчас, когда сама смерть ведёт меня в соседнюю комнату, я понимаю, что хочу ЖИТЬ. Мама жива, я должна её найти. Осталось придумать план.

Открывает дверь, и перед глазами начинается рябиль от изобилия цветов, ярко-желтая кровать с такими же яркими синими подушками, каждая стена разного цвета: голубой, зелёный,

даже розовый, но привлекло мой взгляд вовсе не изобилие красок, а клетка с кроваво красными прутьями, стоящая у изножья кровати, с открытой дверцей, а внутри лежит подвенечное платье.

– Иди примерь. – не могу себя заставить двигаться. – Я сказал, иди примерь, в этом ты будешь в нашу брачную ночь. Я имею в виду... в клетке... – его грудь сотрясается от смеха, этот имбецил считает, что смешно пошутил, ну конечно же. Но во всем этом есть и приятная сторона, я забираю у него свою руку и иду к клетке.

– Я боюсь замарать платье в крови. – останавливаюсь.

– О, не переживай, в этом тебя увижу только я. И в любом случае, оно замарается в крови.

Наклоняюсь к дверце и аккуратно достаю платье здоровой рукой, но я не смотрю на него. Понимание того, что эта клетка для МЕНЯ тянет тяжелым камнем вниз всю мою былую уверенность.

– Залезай! – слышу голос прямо за моей спиной. Не могу этого сделать, ведь тогда я буду полностью ему подвластна, я не смогу ни сбежать, ни дать отпор. Я в прямом смысле буду в клетке.

Выпрямляюсь и оборачиваюсь, держа в здоровой руке злосчастный подвенечный наряд. Струйка пота стекает по позвоночнику. Если послушаюсь, будет нечто ужасное. Он предупредил.

– Раздевайся и залезай! Я не намерен ждать! – делает шаг ко мне, я от него. Упираюсь спиной в клетку. Сердце так колотится в груди, будто я пробежала марафон. В моей голове такой сумбур мыслей, сначала я думала, что моя мама мертва и это по моей вине, потом я узнала, что она жива, но я ее больше не увижу. Все наше существование здесь было обманом, оказывается, что наверху есть жизнь и даже целые города. И, конечно, я не могу в голове смириться с тем, что теперь я его рабыня без каких-либо прав. Все мое нутро против этого.

– Я предупреждал тебя. – тянется рукой ко мне, но я делаю рывок в сторону и бегу к двери. Куда бегу не знаю, но видимо инстинкт самосохранения знает, что нужно делать. Вот дверь из кабинета, она так близка и далека одновременно, моя рука тянется к ручке и тут же резкий рывок назад. Из лёгких выбило весь воздух. Он схватил меня за раненую руку, и комнату прорезал мой болезненный крик, в эту же секунду Сенатор хватается за горло и бьёт спиной о дверь, поднимая меня за шею вверх. Кричать я больше не могу, но пытаюсь оторвать его руку от себя и брыкаюсь, как рыба на льду, но это мне не помогает – нет воздуха и перед глазами уже начали плясать чёрные точки, его лицо то расплывается, то снова становится единым, он что-то говорит мне, но я слышу только гул...

Я не могу потерять сознание. Нет. Нет. Нет.

Свободной рукой он сдавливает мою окровавленную руку. Боже мой – это адская смесь боли и безысходности. Мой взгляд цепляется за карман на его рубашке, где как всегда лежит его любимая ручка, и быстрее чем я успеваю подумать, происходит следующее – я хватаю ее и единственная мысль, что была у меня на тот момент – это: «не урони, держи крепко. Эта и есть твоя возможность, скорее всего единственная». Адреналин бурлит. Страх подгоняет. Заношу руку и резко опускаю на его лицо, и в момент, когда она соприкасается с глазом, я оседаю на пол. Теперь я слышу ЕГО крик, и он для меня словно музыка. Моя любимая мелодия.

Пытаюсь отдышаться и одновременно встать на ноги, получается не с первого раза.

Вдох – выдох.

Вдох – выдох.

Я должна сосредоточиться и действовать быстро.

Сенатор корчится на полу. Зажимает руками лицо, сквозь пальцы стекает кровь. Мат и угрозы так и льются из него.

– Тварь, да я тебя убью! Сука бешеная! – пытается встать, хватаясь рукой за свой стол, и смотрит на меня одним глазом... черт, я выткнула ему глаз... желчь подступает к горлу, но я не

могу медлить и тоже подлетаю к столу, получается так, что мы одновременно берём – он нож, а я его статуэтку-льва. С криком и ненавистью замахивается на меня, и нож рассекает воздух прямо передо мной несколько раз, но мне вроде как удаётся увернуться. Адреналин бушует во мне, словно раскалённая лава. Чувствую вес статуэтки. Бью ею прямо в висок Сенатора. Не подозревала, что во мне есть столько силы. Этот стук его тела о пол уже не сопровождается криком... я его вырубил... опускаю руку и откидываю статуэтку.

Думай, думай, думай же! И что дальше? Что у меня есть?

Первое – полумертвый Сенатор.

Второе – свидетель за дверью.

Третье – я вся в крови и ссадинах.

Не густо... Думай! Думай!

В итоге, тело я оттащила за стол, так чтобы его не было видно, когда открывается дверь из этого логова. Дальше, как могла оттерла с себя кровь и пошла к двери.

Сейчас проверим какая я актриса, прямо за порогом стоит пожилой мужчина в очках и с большой тетрадью в руках.

– Я уже заждался. – на его губах расцветает очень даже приятная улыбка. – Я свидетель вашего бракосочетания, дочка. Могу войти?

Выхожу за дверь и прикрываю её. Еще мне не хватает на руках смерти милого старичка. Стараюсь улыбнуться.

– Боюсь, церемония откладывается до завтра. Сенатор просил его не беспокоить.

– Ммм, хорошо, могу ли я повидаться с ним? – в его светлых глазах подозрение. Он мне не верит. Черт!

– Понимаете ли.... не знаю как вам сказать... это конечно плохо, но мы не дождались и устроили брачную ночь раньше срока. – стараюсь изо всех сил улыбнуться, как влюблённая дурочка.

– И мой жених отдыхает, а я пошла за своими вещами. Вот переезжаю. – осматривает меня с головы до ног и концентрируется на забинтованной руке, синяках и ссадинах. Хмурит брови.

– Ой, не переживайте, это всё сделано в порыве страсти. – мой голос меняется от игривого, до угрожающе серьезного. – Но я не знаю в каком виде вы покинете эту комнату, если помешаете его отдыху. – наклоняюсь к его уху и шепчу – Ведь все мы знаем, что он может быть немного несдержан.

Он мне не верит, и мы оба это знаем.

– Да, это правда. Ну я тогда пойду, передайте ему, что я хочу с ним поговорить сразу же после того, как группа выйдет наружу.

Он, кстати, тоже фиговый актер.

– Непременно. – улыбаюсь.

Разворачивается и уходит. Приваливаюсь спиной к стене, и воздух просто вылетает из легких, мне кажется, я не дышала на протяжении всего разговора. Обвожу взглядом кабинет, и что мне теперь делать? Нужно сваливать отсюда. Да побыстрее.

Проверила все шкафы, которые удалось открыть. Нашла Беретту М92 на пятнадцать патронов. Её я узнала сразу, Пол часто рассказывал про оружие. В прошлом он телохранитель. Захватила запасной магазин и какую-то карту. Собрала всё ценное и замерла напротив выхода. Очень, очень медленно поворачивается дверная ручка. Кто-то пришел. Встаю сбоку от входа и достаю пистолет.

Жду...

Поворачивается ручка...

Жду...

Не спеша открывается дверь сантиметров на десять...

Жду...

Толпа мурашек пробегает по спине и напряженным рукам, растворяясь на кончиках пальцев.

Тихо – тихо скрываюсь за стеллажом, теперь со входа меня не видно. Ещё на пятнадцать сантиметров открывается дверь и появляется седая голова. Свидетель вернулся. Отлично. Лучшего расклада и быть не могло.

– Мистер Рональд? Можно войти? – его голос напряжен.

В ответ – тишина. Что делать? Он уже вошел в кабинет и медленно продвигается к столу. За которым лежит тело. Убираю пистолет за пояс брюк и выхожу из своего укрытия.

– Господин Сенатор, приглашает Вас пройти в его комнату. – сказала и не успела подумать, что я несу. Ещё шаг и свидетель наступит хозяину кабинета на руку. Подхожу ближе к мужчине и с улыбкой беру его под локоть.

– Пойдемте, ОН не любит ждать. – и старик идет. Черт... значит я не такая уж и плохая актриса. Или он не хочет злить Рональда Эшвуда.

Стоит нам только переступить порог, и я слегка толкаю "свидетеля" вперед к клетке и достаю пистолет.

– Зачем вы вернулись? – кажется, его глаза сейчас лопнут от напряжения. Переводит взгляд то на пистолет, то на дверь позади меня. Уверена, он ждет ещё кого-то.

– Как ваше имя? – требую я. Он шумно сглатывает и крепче сжимает тетрадь.

– Мартин... Что вы делаете? Опустите пистолет. Господину Сенатору это не понравится. – усмехаюсь и понимаю, что Беретта дает мне власть. И она опьяняет. Страх уходит на задний план. И добро пожаловать спокойствие и уверенность.

– Послушайте меня, Мартин. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Быстро. Правду. Начнем. – видимо мое хладнокровие, нагоняет больше ужаса, чем пистолет.

– Зачем вернулся, Мартин?

– Ммм... подумал, что что-то не так... – переступает с ноги на ногу.

– Кому сообщил?

– Никому. – слишком быстро сказал.

– Правду, Мартин. – делаю к нему шаг.

– Это чистая истина. Не хотел выглядеть дураком и промолчал. – понуро опускает голову. – Хотел сам проверить. Клянусь вам. – медленно опускается на колени и плачет. Мне не жаль его. Столько лет он трудился как мог, стал поверенным самого Сенатора и теперь вынужден молить о пощаде какую-то девку. Это его маленькая кара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.